
РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД КНИГОЙ

Россия в контексте пространственного развития: взгляд с периферии Ближнего Севера¹

Рецензия на книги: Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г. (ред.) (2014) Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта. М.: Логос; Ильин В.И., Покровский Н.Е. (ред.) (2016) Горожане в деревне. Социологические исследования в российской глубинке: Дезурбанизация и сельско-городские сообщества. М.: Университетская книга; Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г. (ред.) (2016) Ойкумена Ближнего Севера России. М.: Университетская книга.

А.В. ДМИТРИЕВ*, В.В. ВОРОНОВ**

***Анатолий Васильевич Дмитриев** – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель группы конфликтогенности миграции Отдела этнической социологии, Институт социологии РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, к. 5, офис 107. E-mail: mig@isras.ru

****Виктор Васильевич Воронов** – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра региональной социологии и конфликтологии, Институт социологии РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, к. 5, офис 509; ведущий исследователь Центра социальных исследований Института гуманитарных и социальных наук, Даугавпилсский университет. E-mail: viktor.voronov@du.lv

Цитирование: Дмитриев А.В., Воронов В.В. (2017) Россия в контексте пространственного развития: взгляд с периферии Ближнего Севера // Мир России. Т. 26. № 4. С. 169–181. DOI: 10.17323/1811-038X-2017-26-4-169-181

Более 15 лет в Мантуровском районе Костромской области развивается Угорский проект – объединение на основе Сообщества профессиональных социологов под руководством профессора Н.Е. Покровского и ведущих специалистов совместно с научной молодежью, представляющих разные отрасли социальных наук: демографию, социологию, социальную биологию, социальную географию, экономику и другие. В ходе полевых исследований, апробации их результатов на научно-практических конференциях, в преподавательской практике и публикациях участники проекта сформулировали обобщенную теоретическую модель («клеточная» глобализация) и эмпирическую методологию. Это позволило проводить

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-00093.

комплексные междисциплинарные исследования разнородных процессов и явлений, характерных для российского социума Ближнего Севера, дать им научное объяснение и наметить возможные сценарии развития региона.

В рецензии анализируются представленные в трех коллективных монографиях результаты комплексного междисциплинарного исследования большого коллектива ученых об особенностях пространственного развития периферийных территорий Ближнего Севера в европейской части России в различных аспектах: социально-экономическом, социально-географическом, экологическом, социокультурном и демографическом. Рассматриваются вопросы деградации («социальное опустынивание») сельских сообществ Нечерноземья вследствие резкого сжатия сельскохозяйственного производства и разрушения социально-экономической, социокультурной и административной инфраструктуры сельских поселений, которые порождают кризис идентичности и социальный пессимизм у местных жителей.

Анализируются предложенные авторами для преодоления деградации сельских сообществ новые экономические паттерны, обладающие определенными инновационными характеристиками (очаговая сельскохозяйственная экономика, современное отходничество), новые социальные явления и формы взаимодействий (фрилансеры, удаленная работа, мобильная медицина и другое), а также возможности их развития в современных условиях.

Ключевые слова: регион, взаимодействие, хозяйствование, этнос, сельские поселения, горожане-дачники, миграция, идентичность, повседневность

Региональное междисциплинарное исследовательское поле

Междисциплинарное исследование по потенциалу особого мира российской провинции Ближнего Севера и реальной ситуации его использования, проведенное большой группой ученых² на огромной территории³, носит уникальный характер. В трех коллективных монографиях под общим руководством авторитетного ученого, профессора Н.Е. Покровского представлены результаты исследования социально-географических, социокультурных, социально-экономических, демографических и экологических процессов, проходивших на территориях Ближнего Севера европейской части России в течение последних 20 лет. Вызывает неподдельное уважение масштабность реализованного научного проекта. Перед нами конкретный материал по изучению пространственного развития региона России: истории хозяйственных, социокультурных, экосистемных институтов и истории повседневности жителей ойкумены – городов и деревень Ближнего Севера с позиции «теперь и прежде». Материал трех книг консолидирует разные аспекты этого единого объекта и предмета исследования, при этом масштабность решаемых задач обусловила необходимость выбора адекватных им методологии и методов исследования. По нашему мнению, методологией исследования выступает

² В состав группы вошли 34 специалиста разных отраслей научного знания – биологи, географы, демографы, культурологи, социологи, экономисты, филологи, философы, экологи.

³ Ареал исследования включил в себя Новгородскую, Вологодскую, Костромскую и Кировскую области, восток Псковской и Ленинградской, юг Архангельской, север Тверской, Ярославской и Нижегородской областей.

эмпирическая социология как сравнительный анализ различий между социальными порядками и социальными изменениями в контексте предмета исследования, как это понимает, например, Г. Эспин-Андерсен [*Эспин-Андерсен* 2008, с. 241]. В исследовании потенциала Ближнего Севера широко используются как качественные полевые (глубинные интервью, участвующее наблюдение), так и количественные методы (статистика), методы формализации и моделирования, метод графических изображений и другие. В анализе дезурбанизации и сельско-городских сообществ применены, в основном, качественные полевые методы и этнографический подход как детальное и точное описание изучаемых процессов в локальных границах пространств российского европейского Севера с позиции восприятия их живущими на этих территориях людьми. Аналогичные методы использованы и при исследовании особого мира повседневности российской провинции (ойкумены) в Костромской области как части Ближнего Севера. Учеными проделана плодотворная работа как по сбору и анализу достаточно разнородных процессов и явлений, характерных для социума Ближнего Севера России, так и по объяснению и определению возможных сценариев дальнейшего развития региона.

Комплексное междисциплинарное исследование «Угорский проект»

В монографии «Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта» рассмотрены социально-экономические условия жизнедеятельности горожан и сельских сообществ на обследуемых территориях, а также причины их преимущественно пассивной адаптации к условиям рынка. Рецензенты этой интересной работы первоначально были удивлены обнаружившейся разницей в миграционной привлекательности российских регионов. Дело в том, что последние годы внимание исследователей было сосредоточено на трех субъектах Российской Федерации (Тюменской и Нижегородской областях, а также Краснодарском крае) [*Воронов, Дмитриев*, 2016]. На этих территориях движение населения отличается от староосвоенного Ближнего Севера европейской части России: например, в Тюменской области и Краснодарском крае наблюдался устойчивый рост численности населения (0,5–1,2% в год), а в Нижегородской области – лишь небольшое снижение до 0,2–0,5% в год. Общеизвестно, что чем выше различия в уровнях экономического развития регионов, тем более однонаправленным является характер миграционного обмена между ними, принимающий вид отношений – «регионы – миграционные доноры» и «регионы – миграционные реципиенты». Так, Тюменский регион по темпам роста промышленного производства входит в число наиболее успешных регионов страны, чему в немалой степени способствует модель развития региона, в которой государство – основной источник роста – определяет приоритеты развития и концентрируя на них ресурсы. Краснодарский край также является федеральным межрегиональным миграционным реципиентом, а Нижегородская область (локальный межрегиональный миграционный реципиент) привлекает население прилегающих к ней территорий своими достаточно высокими показателями соотношения доходов с прожиточным минимумом и низким уровнем безработицы. Мы не только обнаружили разницу, но и были крайне озабочены представленными положениями и выводами авторов

книги об устойчивой естественной убыли или, скорее, бегстве населения из агонизирующих деревень обследуемого Ближнего Севера европейской части. Цифры разительные: за послесоветский период население этого региона уменьшилось с 4,8 млн до 3,7 млн чел.

В сельской местности Ближнего Севера, по аргументации авторов, идет процесс устойчивой деградации: более чем на половину сократился размер пашни по отношению к 1990 г. Масштабы сокращения численности населения значительны: плотность населения в периферии региона – 2 чел. на км², ежегодная естественная убыль – 17 чел. на 1 тыс. населения и т.д. В этом случае авторы, вопреки последующему утверждению [Покровский, Нефедова 2014, с. 237], всецело надеются на государство: поддержка сельского населения, особенно мелкого сельского производителя, всеми возможными способами (финансовыми, правовыми, социальными, социально-психологическими) должна стать перспективной линией государственной политики применительно к сельским регионам [Покровский, Нефедова 2014, с. 81]. Некоторое сдерживание деградации (уменьшение рождаемости, ускорение старения населения и другое) происходит через стягивание населения с периферии в региональные локальные центры Ближнего Севера. Однако и эти центры (например, в Архангельской, Костромской областях и Пермском крае) не могут затормозить дальнейший отток молодежи: в поисках лучших условий труда, карьеры и жизни Ближний Север покидает 60–80% молодых людей [Покровский, Нефедова 2014, с. 135], хотя достоверно известно, что на огромной территории России стихийная концентрация людей в крупных городах чревата распадом единого пространства.

Основной «камerton» этих процессов – трансформация жизни и деятельности местного населения в сторону заданных рыночными условиями рамок выживания в постсоветский период. Это проявляется и в том, что на первое место выдвигаются, преимущественно, не социальные качества человека (трудовая активность, цели жизни и т.д.), а этнические (конфигурация национального характера, обычаи, традиции и т.д.). С одной стороны, это следует приветствовать как возможность обращения того или иного народа к своим историческим корням, которые нивелируются в современных глобализирующихся условиях. Однако, с другой стороны, если одним народам этнические качества помогают выживать, то другие народы обрекаются на пассивную адаптацию, социальную апатию и деградацию. Эта ситуация объективно подтверждается демографическими данными за последние четверть века, свидетельствующими, что депопуляция, которая охватила некоторые регионы страны, в наибольшей степени затронула русский народ: его численность за 1991–2013 гг. сократилась почти на 23 млн чел. [Пшеницын 2014]. При этом необходимо отметить моноэтничность Ближнего Севера: славянский народ одной культуры и истории составляет здесь 96% населения (русская община – примерно 86%, украинская диаспора – примерно 7%, белорусская – 3%), другие этнические группы – 4%. Тем не менее рождаемость падает, представители молодого поколения уезжают за пределы европейского Севера России, а оставшаяся молодежь нередко страдает алкоголизмом и социальной апатией. В этих условиях любая экономическая программа, по мнению исследователей, сталкивается с недостатком трудоспособных кадров, которые не в состоянии обеспечить хозяйственную деятельность, соответствующую современным требованиям и стандартам, ни в настоящий момент, ни в перспективе. К сожалению, к 2030 г., по оценке Росстата [Покровский, Нефедова 2014, с. 91, 120], ситуация

вряд ли улучшится, и вследствие этого экономика будет либо катастрофически свертываться, либо обеспечиваться миграционными кадрами.

При ответе на вопрос о социальном составе приезжающих выясняется, что речь идет не о трудовых мигрантах, которые, к примеру, массово прибывают в Краснодарский край, Нижегородскую и Тюменскую области, а о дачниках трех типов – пригородных, среднеудаленных и дальних [Покровский, Нефедова 2014, с. 152–153]. Современная ближнесеверная деревня уже невозможна без горожан-дачников⁴, ее традиционное сельское хозяйство становится не основной, а дополнительной отраслью локальной экономики. Вместе с тем из-за отсутствия инфраструктурных условий молодые семьи чаще переезжают из города в деревню вынужденно⁵. Хозяйство, даже подсобное, у них все же не так интенсивно, как у местных жителей, не говоря о собственно дачниках, хотя встречаются и такие, которые мечтают именно о сельском хозяйстве: заводят скот, арендуют землю, но затем под давлением бюрократии и среды, как правило, «окукливаются» в собственном подворье [Покровский, Нефедова 2014, с. 156].

В монографии детально исследованы проблемы взаимодействия публичной местной, региональной власти и бизнеса, сводящиеся к противоречию между ожиданиями власти (трудоустройство людей, социальная ответственность бизнеса) и претензиями бизнеса к ней (административные препятствия началу и развитию нового дела, необоснованный контроль, бюрократизация отчетности, нехватка информационной поддержки и механизма обеспечения информационно-аналитического «обмена опытом» похожего бизнеса вне данной территории). В результате чего повсеместно идут процессы сращивания бизнеса и местной власти, его локальной монополизации, которые приводят к стагнации предпринимательской деятельности, трансформирующейся в «эволюционно-стабильную стратегию» взаимодействия бизнеса и власти, когда каждый ожидает от другого не того, что каждый предлагает, и без активного внешнего воздействия такая стратегия может сохраняться неопределенно долго. Вывод авторов весьма дискуссионный: государство (в лице чиновничества) представляет собой основной барьер на пути самостоятельных групп общества, которые сами (а не государство) способны обеспечить экономическое развитие, хозяйственное благополучие и социальную стабильность [Покровский, Нефедова 2014, с. 236–237].

Авторы довольно обстоятельно анализируют условия формирования новой парадигмы развития территории, способной «обеспечить благосостояние общества без избыточного давления на природу» [Покровский, Нефедова 2014, с. 258]. Они рассматривают величину природного капитала (земельные, водные, лесные, ресурсы) Ближнего Севера и методики его оценки. При этом авторы поднимают вопрос оценки устойчивости развития трех видов капитала (природного, человеческого, инвестиционного) и четырех функций природного капитала (ресурсообеспечивающей, экологической (экосистемной), обеспечивающей здоровье человека, «духовные» услуги природы (эстетические, культурные, исторические, этические)). Природный капитал – главное богатство региона, но он не используется должным образом, поэтому авторы предлагают определенные

⁴ По мнению авторов монографии, роль дачного развития глубинки в науке недооценивается.

⁵ Например, если у ребенка аллергия или всем надо срочно сменить обстановку.

инструменты компенсационного эколого-экономичного рыночного механизма для поддержки функций и услуг природного капитала Ближнего Севера [Покровский, Нефедова 2014, с. 302]. При рассмотрении принципов сохранения биоразнообразия на этой территории при одновременном устойчивом использовании природных ресурсов с позиции социально-экономических нужд авторы делают вывод, что социальный прогресс невозможно остановить доводами борьбы за чистоту родной природы. Поэтому необходимо принимать во внимание рациональные доводы использования природных ресурсов с учетом баланса в развитии экосистемы, роли доверия между людьми в использовании благ природы, значимости доходов от экотуризма в национальных парках, полесьях Ближнего Севера для роста занятости местного населения и другое.

Также авторы особо выделяют то обстоятельство, что для объективной оценки и прогнозирования реальных процессов на Ближнем Севере следует учитывать широкие панорамы и дальние перспективы общемировых трендов развития. К ним они относят экономические связи, торговлю (мировые бренды), миграцию населения, инфокоммуникации (сотовая связь, Интернет, спутниковое телевидение), считая, что эти тренды «самым прямым образом преломляются в отражениях малых, локальных общностей» [Покровский, Нефедова 2014, с. 451–452]. Анализируя разные концепции и модели глобализации, авторы обращают внимание на ее противоречия в российских условиях, где наблюдаются и потери социальной и культурной идентичности, и кризис самоидентификации, при которой человек перестает ощущать свою идентичность с обществом, а общество скатывается к архаике, фрагментации и локализации [Покровский, Нефедова 2014, с. 479].

Вместе с тем авторы указывают на возможные направления и перспективы возрождения пространства Ближнего Севера: по их мнению, кризис мегаполисов будет способствовать возрождению сельских поселений; в настоящее время начинается процесс формирования новых форм этих поселений (как сообществ селян, так и представителей городского среднего класса, профессионально работающих в удаленном доступе); стабилизируется сельскохозяйственное производство; переформируется хозяйственная деятельность на основе научных рекомендаций и другое [Покровский, Нефедова 2014, с. 487]. На наш взгляд, эти адаптационные модели вряд ли изменят существующие тренды к лучшему в условиях колониальной сырьевой направленности рыночной экономики страны.

Привлечение населения в пространство Ближнего Севера тем или иным способом представляется ключевой задачей властей – не только местных органов власти, но и федеральных функционеров. Однако авторы работы в своих рассуждениях на эту тему почему-то игнорировали неуспех, точнее, провал Федеральной программы по переселению соотечественников, а также опыт раздачи земель в Дальневосточном федеральном округе. Паллиативные меры, предлагаемые авторами книги, вряд ли исправят сложившуюся катастрофическую демографическую ситуацию на Ближнем Севере, обусловленную пространственным мозаичным развитием капитализма в России, который демонстрирует значительные темпы в крупных городах страны, где концентрируются рабочая сила (производители) и население (потребители). Эти условия способствуют дополнительному привлечению трудовых мигрантов в мегаполисы, формируя при этом демографическую деградацию периферийных по отношению к ним территорий страны.

Процессы дезурбанизации и трансформации современной деревни

В монографии «Горожане в деревне. Социологические исследования в российской глубинке: Дезурбанизация и сельско-городские сообщества» авторы проекта развивают идеи и сюжеты первой рецензируемой книги, верно отмечая роль солидарно-трудовой жизненной матрицы, присущей местному сельско-городскому сообществу, которое в подавляющем большинстве представлено русским народом. Они делают упор на социально-экономических, социокультурных и урбанистических/дезурбанистических факторах влияния на жизнедеятельность населения российского европейского Севера в рыночных условиях господства закона стоимости. Однако авторы не связывают несовместимость этих условий с действительным развитием региона, необоснованно, на наш взгляд, обвиняя население в «массовом социальном иждивенчестве» [Ильин, Покровский 2016, с. 256]. Между тем, в современных исследованиях есть достаточно аргументированное мнение, что функционирование многих отраслей экономики Нечерноземья (в силу природно-географического фактора) невозможно без важнейшей роли ее государственного сектора, элиминирующего безжалостные механизмы стоимостных отношений [Милов 1998, с. 151]. Позиции авторов исходят из их приверженности глобализационной модели понимания социально-экономического и социокультурного развития России и ее локальных территорий [Ильин, Покровский 2016, с. 141–143]. Если в книге «Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта» авторы акцентировали внимание на противоречиях глобализационной модели пространственного развития в российских условиях, то в монографии «Горожане в деревне. Социологические исследования в российской глубинке: Дезурбанизация и сельско-городские сообщества» противоречия отчасти затушевываются обосновываемой объективно неизбежной ролью глобализации. В данной ситуации основой модели выступают концепты Дж. Ритцера «глобализация как новая система рациональности» (*globalization as the new system of rationality*)⁶ [Ритцер 2011, с. 13] и У. Бека «глобализация изнутри» (*globalization from within*) [Beck 2001], которую авторы называют «клеточной» глобализацией и «очаговой экономикой» и которая мимикрирует на локальном (городском, сельском) уровнях под традиционализм, формируя паттерны повседневного поведения и ценностные ориентации местного населения. Их характерной особенностью становятся такие явления, как новая система рациональности рынка, углубление и расширение активной и пассивной адаптации к изменениям, развитие множественности культурных феноменов и цифровой культуры у молодежи, трансформация восприятия глобального географического пространства из-за доступности информационно-коммуникационных технологий, рост потребительства (консюмеризма), повышение интереса к этнически окрашенной архаике, особенно у горожан-дачников и другое [Ильин, Покровский 2016, с. 142–145]. Авторы связывают эти явления с усилением нелинейной динамики социально-пространственного развития регионов страны, которая проявляет себя своеобразным симбиозом на локальном уровне разнонаправленных моделей социальных изменений.

⁶ У Дж. Ритцера это понятие глобализации конкретизируется в четырех факторах «макдональдизации» общества: эффективность, предсказуемость, калькуляция, контроль.

Это находит свое отражение в книге посредством содержательного анализа таких современных явлений, как урбанизация, дезурбанизация, возвратная миграция, текучая миграция и других.

Возросшая мобильность в стране и ее регионах принимает новые формы, охватывает все социальные слои и формирует новые внегородские сообщества (группы городских переселенцев в сельскую местность, городских дачников и другое) посредством социальных сетей и потоков. Одновременно происходит разрушение прежнего социально-экономического и социокультурного тождества – ««внегородское» – значит «сельское»». Авторы убедительно показывают, что внегородские пространства Ближнего Севера устойчиво сокращают свое сельскохозяйственное производство и посевные площади земель. В результате развала сельскохозяйственных предприятий и потери материально-технической базы для обработки земель в сельской местности на базе совхозов и колхозов происходит «социальное опустынивание» (деградация и разрушение) прежде освоенного пространства, умирание сел и деревень вплоть до полного уничтожения инфраструктуры (дорог, почтовых отделений, школ, клубов, медпунктов, магазинов, банков, отделений полиции и т.д.) [Ильин, Покровский 2016, с. 238–240]. Освоенными остаются лишь пространства вокруг областных (в радиусе 25–30 км) и районных центров (в радиусе 6–9 км).

На этом фоне формируется тренд обратной миграции жителей городов в периферийные районы сельской местности, отвечающие определенным критериям горожан: высокое качество экологии и эстетичность ландшафтов, значимый исторический контекст местности, наличие местных жителей в поселениях любого состояния, покрытие территории сетями инфокоммуникаций, приближенность территории к транспортным магистралям с возможностью возвращения в город в течение нескольких часов. По мнению авторов, дезурбанизация в ее «вынужденной» и «дауншифтинговой» формах обладает определенными инновационными характеристиками. К ним они относят новые экономические паттерны («очаговая сельскохозяйственная экономика», современное отходничество), новые социальные явления и формы взаимодействий (фрилансерство, удаленная работа, мобильная медицина и другое). Отмечается, что для выживания периферийным территориям Ближнего Севера, как и многим другим регионам страны, необходимо разносекторное развитие экономики: обновление местной промышленности, сельского хозяйства и таких сфер, как сельский и экологический туризм; заготовка и переработка дикорастущих плодов и ягод, лекарственных растений; охота и рыболовство с сохранением имеющегося биоразнообразия; обеспечение связанных с этими секторами услуг; бытовое и социально-культурное обслуживание местного и сезонного городского населения; специализированная деревообработка; производство строительных материалов и другое.

Со всеми этими положениями можно согласиться с позиции эмпирической социологии и повседневности, однако с точки зрения стратегии развития страны и консолидации ее пространственного развития указанные инновационные характеристики представляются весьма дискуссионными. Образно говоря, как тысячи зайцев не могут превратиться в одного льва, так тысячи «новых экономических паттернов, социальных явлений и форм взаимодействий» не обеспечат занятость всему экономически активному населению страны и ее регионов без возрождения государственного планирования, развития обрабатывающей промышленности,

обновления материально-технической базы сельского хозяйства. Логика современной неолиберальной модели глобализации сводится к логике рынка, но общеизвестно, что локальные территории страны не могут развиваться лишь в рамках рыночных механизмов и не в состоянии самостоятельно (на локальном уровне) эффективно решать глобальные проблемы. Только путем соответствующей государственной политики в области занятости и народного хозяйства на основе сбалансированной организации пространства страны можно минимизировать издержки глобализации и оптимизировать связанные с ней выгоды.

Особый мир российской провинции: теперь и прежде

В монографии «Ойкумена Ближнего Севера России» описаны эколого-культурные и бытовые феномены повседневности мира российской провинции на примере Костромской области как части Ближнего Севера, сыгравшей большую роль в истории нашей страны, однако на сегодняшний день утратившей значительную часть своего экономического потенциала и народонаселения и подвергшейся процессу деградации, истощения природных, трудовых, инвестиционных ресурсов, при этом попытки местных властей переломить ситуацию ограничены возможностями и далеки от воплощения.

Здесь, как и во многих регионах России, вслед за разрушением реального сектора экономики свернулись почти все виды территориальной инфраструктуры, что привело к деградации малых городов, сел и деревень, трудовой миграции жителей в областные центры и мегаполисы: в Костромской области (на ее юго-западе вблизи Волги) всего на 7% территории области проживают почти 60% ее населения; а Кострома по числу жителей больше второго в области города Буй в 11 раз [Покровский, Нефедова 2016, с. 15]. Местное население провинции не хочет прозябать в условиях выживания, а стремится к полноценной трудовой и досуговой деятельности, обеспеченной экономической, социальной, транспортной, административной структурами всякого поселения. Людей можно понять, но трудно понять власти страны, где в течение последних 25 лет было потеряно 34 тыс. деревень, а в 20 тыс. поселений на настоящий момент проживает всего лишь по 8–10 чел., при этом 95 тыс. сельских поселений не газифицированы, 43 тыс. не имеют телефонной связи, более 30 тыс. деревень остаются без дорог с твердым покрытием и т.д. [Чуйков, 2017, с. 3]. Такая ситуация обусловлена непониманием того, что солидарно-трудовая матрица и социокультурный тип русского народа (самодостаточность, мастеровитость, коллективизм) обеспечивается деревней, ее бытом, и без деревни воспроизводство основных традиционных ценностей русского народа может быть утрачено. Помимо этого, нынешняя власть не учитывает важность положения о том, что «сила институтов еще не все, не менее важна и их адекватность» [Балацкий, 2015, с. 182], однако с последней, особенно с российскими финансовыми институтами, можно наблюдать полное несоответствие интересам государства, его экономики и большинства регионов.

Несмотря на длительный кризис российской провинции, региональный социум, тем не менее, сумел сберечь свою жизнестойкость, русский склад характера жителей (радушие, уживчивость, доброта); сохранились красота природы Ближнего Севера и частично памятники культуры.

Продолжая анализ дачного образа жизни и его многообразия на периферии Ближнего Севера, проведенного в книге «Горожане в деревне. Социологические исследования в российской глубинке: дезурбанизация и сельско-городские сообщества», авторы приходят к интересному выводу, что горожане-дачники разных категорий («беззаботные», «трудовые бедные», «богатые») и коренные местные жители формируют две общности с разными жизненными интересами и слабыми хозяйственными связями. К сожалению, приезжающие на европейский Север люди не имплантируются в местную жизнь: при том, что коренные жители стремятся к улучшению условий жизни, развитию инфраструктуры для подъема местной хозяйственной жизни, горожане-дачники придерживаются противоположного мнения. «Первые хотели бы видеть лен, голубеющий на полях, молодежь на тракторах и комбайнах, детей в школе. Вторым милее “дичающий” ландшафт, но желанны бабушки, остающиеся в деревне на зиму и тем самым охраняющие дома горожан от разграбления» [Покровский, Нефедова 2016, с. 189]. Возникает вопрос: где же здесь установка на массовое социальное иждивенчество местных жителей, о котором говорится в рецензируемой книге?

Один из авторов, маститый ученый (и увлеченный дачник), недоумевает по поводу иррационального экономического мышления и психологии местных жителей, которые навязывают ему свои товары (мясо, ягоды) даже вне спроса на них или явно завышают цену за выполненную работу на его участке. Он делает вывод, что местные жители «истинной торговли и истинной выгоды своих действий в долговременной перспективе не видят, полагаясь на примитивный принцип: слупить, сколько можно, сейчас, а завтра – будь что будет. <...> Порой трудно решить, что это: признаки экономической отсталости либо совсем иное – особая крестьянская прозорливость, сметка, неведомая городским» [Покровский, Нефедова 2016, с. 31–32]. По нашему мнению, такое трудовое экономическое мышление и психология объяснимы вне парадигмы рынка. Местные жители на себе ощущают социально-экономическое уничтожение традиционного сельского образа жизни и российской деревни: ведь даже в государственной программе развития сельского хозяйства на 2013–2020 гг. цинично записано, что на селе зарплата должна быть доведена лишь до 55% от средней по экономике страны. Поэтому они, чтобы выжить, предъявляют государству (в лице всех «неместных») своеобразную ренту в сфере местного природопользования.

В книге, богато иллюстрированной, описаны разнообразные эколого-культурные и бытовые феномены, вплоть до отдельных районов Костромской области и индивидуальных портретов жителей. Последняя глава несет в себе немало оригинальной и полезной информации и посвящена советам по покупке и ремонту деревенского дома, а также рецептам заготовок на зиму и приготовления пищи с помощью русской печи [Покровский, Нефедова 2016, с. 217–261].

Подводя итоги исследования, авторы книг «Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта», «Горожане в деревне. Социологические исследования в российской глубинке: дезурбаниза-

ция и сельско-городские сообщества» и «Ойкумена Ближнего Севера России» делают вывод, что Ближний Север разнообразен, перспективен, многообещающ. Он требует вдумчивого и рачительного отношения к себе на основе научно обоснованных решений и моделей: таков генеральный тезис Угорского проекта, таковы общие выводы многолетних полевых социологических исследований российского европейского Севера, и с ними можно согласиться. Следует лишь отметить, что части рецензируемых книг имеют разный уровень по глубине, содержательности материала и результатам исследования. Однако любой профессиональный исследователь в области социальных наук найдет в рецензируемых коллективных монографиях немало нового и оригинального, поэтому его поход за открытиями будет весьма плодотворным.

Литература

- Балацкий Е.В. (2015) Институциональные факторы экономического роста // Мир России. Т. 24. № 2. С. 177–188.
- Бек У. (2001) Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция.
- Воронов В.В., Дмитриев А.В. (2016) Региональные проблемы диапорно-земляческих сообществ: экспертное измерение. М.: Новый хронограф.
- Ильин В.И., Покровский Н.Е. (ред.) (2016) Горожане в деревне. Социологические исследования в российской глубинке: Дезурбанизация и сельско-городские сообщества. М.: Университетская книга.
- Милов Л.В. (2008) Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН.
- Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г. (ред.) (2014) Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта. М.: Логос.
- Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г. (ред.) (2016) Ойкумена Ближнего Севера России. М.: Университетская книга.
- Пшеницын А.Ю. (2014) Круг восьмой // Интернет-сайт «За науку» // http://www.zanauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=8255
- Ритцер Дж. (2011) Макдональдизация общества 5. М.: Праксис.
- Чуйков А. (2017) Кто ставит крест на российском селе // Аргументы недели. № 27 (569) // <http://argumenti.ru/society/n598/541738>
- Эспин-Андерсен Г. (2008) Два общества, одна социология и никакой теории // Журнал исследований социальной политики. Т. 6. № 2. С. 241–266.

Russia in the Context of Spatial Development: a View from the Mid-Northern Periphery

Book review: Pokrovsky N.E., Nefedova T.G. (eds.) (2014) *Potentsial Blizhnego Severa: ekonomika, ekologiya, sel'skie poseleniya. K 15-letiyu Ugorskogo proekta* [The Potential of the Near North: Economy, Ecology, Rural Settlements. For the 15th Anniversary of the Ugory Project], Moscow: Logos; Ilyin V.I., Pokrovsky N.E. (eds.) (2016) *Gorozhane v derevne. Sotsiologicheskie issledovaniya v rossijskoj glubinke: Deurbanizatsiya i sel'sko-gorodskie soobshchestva* [Citizens in the Village. Sociological Studies of the Russian Province: Deurbanization and Rural-urban Communities], Moscow: Universitetskaya kniga; Pokrovsky N.E., Nefedova T.G. (eds.) (2016) *Ojkumena Blizhnego Severa Rossii* [The Ecumene of Russia's Near North], Moscow: Universitetskaya kniga.

A. DMITRIEV*, V. VORONOV**

***Anatoly Dmitriev** – Corresponding Member RAS, Doctor of Science in Philosophy, Chief Researcher, Head of the Group of Conflicts Migration, Institute of Sociology RAS. Address: of. 107, bld. 5, 24/35, Krzhizhanovskogo St., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: mig@isras.ru

****Viktor Voronov** – Doctor of Science in Sociology, Professor, Leading Researcher of Centre Regional Sociology and Conflictology, Institute of Sociology RAS; Leading Researcher, Social Investigations Center, Institute of Humanities and Social Sciences, Daugavpils University. Address: of. 509, bld. 5, 24/35, Krzhizhanovskogo St., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: viktor.voronov@du.lv

Citation: Dmitriev A., Voronov V. (2017) Russia in the Context of Spatial Development: a View from the Mid-Northern Periphery. *Mir Rossii*, vol. 26, no 4, pp. 169–181 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2017-26-4-169-181

Abstract

More than 15 years have passed since the start of the Ugory Project – a unique project in Kostroma region led by the Russian sociologist Pokrovskiy and involving many other social scientists in reviving and reshaping the life of a northern Russian village. The project is built around the theory of ‘cellular’ globalization, which guides the participants’ numerous interdisciplinary studies of the heterogeneous processes and phenomena occurring in rural communities of the Russian Near North, and shapes the development of the region. The review focuses on the discussion of the results from a series of these studies published consequently in three monographs, which reveal the peculiarities of spatial development in the peripheral areas of the European part of Russia’s Near North in its socio-economic, socio-geographical, ecological, socio-cultural and demographic aspects. In particular, the monographs raise the issues of social degradation in rural communities (‘social desertification’). This is due to the sharp compression of agricultural production and the destruction of the socio-economic, socio-cultural and administrative infrastructure of rural settlements which leads to an identity

crisis and social pessimism among local residents. The studies also point to some possible solutions for the degradation of rural communities which rely on the adoption of innovative economic patterns, and reveal new social phenomena and forms of social interactions (such as freelance, remote work, mobile public service) which evolve in response to those changes.

Key words: region, social interaction, rural economy, ethnicity, rural communities, summer visitors, migration, identity, everyday rural life

References

- Balatsky E. (2015) *Institutsional'nye faktory ekonomicheskogo rosta* [Institutional Factors of Economic Growth]. *Mir Rossii*, vol. 24, no 2, pp. 177–188.
- Beck U. (2001) *Chto takoe globalizatsiya?* [What Is Globalization?], Moscow: Progress-Tradition.
- Chuykov A. (2017) *Kto stavit krest na rossijskom sele?* [Who Puts an End to the Russian Village?]. *Arguments of the Week*, no 27 (569). Available at: <http://argumenti.ru/society/n598/541738>, accessed 31 August 2017.
- Espin-Andersen G. (2008) *Dva obshchestva, odna sotsiologiya i nikakoj teorii* [Two Societies, One Sociology, and No Theory]. *Journal of Social Policy Studies*, vol. 6, no 2, pp. 241–266.
- Ilyin V.I., Pokrovsky N.E. (eds.) (2016) *Gorozhane v derevne. Sotsiologicheskie issledovaniya v rossijskoj glubinke: Dezurbanizatsiya i sel'sko-gorodskie soobshchestva* [Citizens in the Village. Sociological Studies of the Russian Province: Deurbanization and Rural-urban Communities], Moscow: Universitetskaya kniga.
- Milov L. V. (2008) *Velikorusskij pakhar' i osobennosti rossijskogo istoricheskogo protsessa* [The Great Russian Ploughman and the Peculiarities of the Russian Historical Process], Moscow: ROSSPEN.
- Pokrovsky N.E., Nefedova T.G. (eds.) (2014) *Potentsial Blizhnego Severa: ekonomika, ekologiya, sel'skie poseleniya. K 15-letiyu Ugorskogo proekta* [The Potential of the Near North: Economy, Ecology, Rural Settlements. For the 15th Anniversary of the Ugory Project], Moscow: Logos.
- Pokrovsky N.E., Nefedova T.G. (eds.) (2016) *Ojkumena Blizhnego Severa Rossii* [The Oecumene of Russia's Middle North], Moscow: Universitetskaya kniga.
- Pshenitsyn A.Y. (2014) *Krug vos'moj* [The 8th Circle]. *Internet site "Za nauku"*. Available at: http://www.zanauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=8255, accessed 31 August 2017.
- Ritzer G. (2011) *Makdonal'dizatsiya obshchestva 5* [The McDonaldization of Society 5], Moscow: Praxis.
- Voronov V.V., Dmitriev A.V. (2016) *Regional'nye problemy diaporno-zemlyacheskikh soobshchestv: ekspertnoe izmerenie* [Regional Issues of Diasporas and Compatriotic Communities: the Expert Dimension], Moscow: Novyj Chronograf.